

Элеонора Лассан

Вильнюсский университет

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva

Тел.: +370 5 271 11 12

E-mail: eleonora.lassan@ff.vu.lt

Область научных интересов автора: политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, риторика, прагматика, семантика

КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНАРИИ МЫШЛЕНИЯ И ЭТИКЕТНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ (ОБ ИНТЕРНЕТ-ПОЗДРАВЛЕНИЯХ В ЧЕТЫРЕХ КУЛЬТУРАХ)

Предметом анализа в данной статье являются интернет-поздравления как явление глобализирующей культуры, с одной стороны, и как феномен современного фольклорного жанра, с другой. На примере анализа интернет-поздравлений русской, немецкой, польской и литовской культур автор показывает отличительные черты «минималистского» жанра, который в силу своей краткости должен в концентрированной форме продемонстрировать особенности национально-культурного типа мышления, если они существуют. Автор приходит к выводу, что существуют настолько значительные различия как в композиции поздравлений, так и в способе представленности субъекта поздравления, набора объектов пожелания, что носителю другой культуры весьма трудно освоить инокультурные сценарии дискурсивного поведения в рамках названного жанра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые жанры, культурные сценарии, интернет-продукция, композиция, ключевые концепты

Столь распространенное явление, как «изготовление» поздравлений и их бытование в Сети приводит и к новому объекту исследовательских интересов, формулируемому как жанр поздравлений: «Гипержанр «поздравление» составляют такие жанры как поздравительная открытка, валентинка, поздравительная записка, поздравительный альбом, поздравительный плакат и др. «Поздравление» как разновидность естественной письменной русской речи представляет собой многоплановый объект, который может быть исследован в различных аспектах, одним из которых

является лингвокультурологический... а также рассмотрение особенностей жанра как явления народной культуры» (Сухотерина 2007: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/suhoterina.html>).

Автор интересной, и как представляется, пионерской работы Т. П. Сухотерина относит поздравления к явлениям народной культуры на том основании, что они являются одним из проявлений «живой разговорной устной и письменной речи» (Сухотерина 2007). Добавлю: сегодня интернет-поздравления могут с полным основанием быть отнесены к «народной культуре» и на том осно-

вании, что их тексты творятся не профессионалами, а очень широким слоем носителей языка и культуры. Поводом для поздравления становятся события, существующие в жизни каждого человека, независимо от его социального статуса, возраста, пола - отсюда столь широк круг творцов и потребителей поздравительного жанра. Такая востребованность и продуктивность этого жанра делают его, соответственно, и объектом научных интересов лингвистов. Так, С. В. Шаталова относит поздравления к современным эпидейктическим жанрам речи: «Эпидейктическая речь – это речь показательная, обращенная к внеязыковой действительности, дающая представление о морали и антиморали, в основе которой лежит ритуал и правила речевого этикета. Результаты когнитивного анализа, полученные методом направленного ассоциативного эксперимента ... свидетельствуют, что современная эпидейктика, представленная жанром поздравления, следует общим традициям: поздравление должно согласовываться с праздником и включать пожелание здоровья; поздравляя, адресант должен быть искренним, должен проявить индивидуальность, сделать поздравление запоминающимся; доставить адресату радость, вызвать эмоциональную реакцию» (Шаталова 2009). Думается, что подобная характеристика присуща поздравлениям различных культур, но вот сами поздравления при их клишированности или стремлению к оригинальности, «красивости» могут дать ценный материал, с одной стороны, небезынтересный в прикладных целях обучения иностранным языкам,

с другой – позволяющий судить о том, как и какие ценности культуры (морали и антиморали), ее ключевые понятия отражаются в этом жанре. Сразу нужно оговориться, что отсутствие эксплицированного автора текстов в интернет-поздравлениях, их переходы с сайта на сайт, ориентация на широкий круг адресатов и широкий круг потребителей, избирающих предлагаемый текст на основе вкусовых предпочтений, делает этот жанр действительно очень близким фольклорным благопожеланиям. [«Тексты Благопожеланий очень сходны в разных славянских традициях, главным образом благодаря единству основных их структурных типов. Среди них побудительные формулы со словом “пусть” (“Пусть у вас будет полная кошара овец”), пожелания, вводимые союзом “чтобы” (“Чтобы сваты и свахи не выходили из хаты!”), и императивные формулы (“Будь здоров, как вода, расти, как верба”)]» (Агапкина, Виноградов 1994, с. 169)]. Сказанное позволяет современным лингвистам характеризовать интернет-поздравления как «жанр постфольклора» (Власова 2009, с. 302). Устанавливая тематическую общность поздравлений, композиционное единство актов письменных поздравлений и клишированные речевые формулы, мы действительно можем говорить о существовании целостного жанра. Однако близость к фольклору побуждает размышлять о сложности этого жанра – одновременно как устного, так и письменного творчества. К какого рода жанрам – первичным или вторичным – относится поздравление? «Крайнюю разнородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания никак не следует

преуменьшать. Особенно важно обратить здесь внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами (это не функциональное различие). Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высоко-развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» (Бахтин 1996, с. 159). Естественно, поздравление есть первичный речевой жанр, так как он представляет собой явление устной речи, элемент речевого этикета: *Поздравляю с днем рождения. Желаю...* (например, поздравление по телефону). С другой стороны, поздравление есть и письменный жанр, ведущий свое происхождение в русской культуре, как отмечает Г. И. Власова, со времен Феофана Прокоповича. Он сам по себе может стать сложным жанром, включая интертекстуальные отсылки к другим текстам:

Итак, она звалась Светлана.
Умом и красотой своей,
Она затмила бы Татьяну –
Став героиней наших дней.

Сложность этого жанра побуждает внимательно всмотреться в характеристические признаки жанра как такового: тематическую наполненность, композицию, языковое исполнение (Бахтин 1996, с. 159). «Поздравление приобрело “твердые формы”: при стереотипной тематике оно имеет жесткую структуру (обращение, поздравление по поводу, пожелания, подпись) и набор клишированных языковых средств. Задачей говорящего обычно представляется создание вариаций известного образца, а сверхзадачей – импровизации на заданную тему с использованием набора условных риторических приемов (гипербола, антитеза, метафора и др.) и традиционных языковых средств» (Карпова 2002, с. 63). Нужно сказать, что стихотворные интернет-поздравления нарушают эту структуру, и, что особенно важно, она может не быть единой для разных лингвокультур (что и будет показано ниже).

В силу сложности определения жанра поздравлений, являющегося синтезом первичного жанра как явления непосредственного общения и жанра риторического, письменного, автор предпочитает говорить о речевом акте поздравления, который можно определить так: **этикетный речевой акт напоминания адресанта о себе и о своем хорошем отношении к адресату, переживающему знаменательное событие, радость от которого разделяет и адресант.** Значение имеет не столько текст (локуция), сколько подтверждение того, что знакомые и близкие помнят о знаменательном для человека дне, хотят сделать для него приятное и свидетельствуют об этом актом поздравления и пожеланий.

Вместе с тем строки могут запоминаться, адресат может находить в них отражение его интересов, пожелание может стать «компасом», выполняющим функцию жизненной ориентации адресата.

Внимание автора этой статьи сосредоточено на текстах поздравительных открыток и текстах, предлагаемых в качестве «готовых» для отправки адресатам – виновникам торжества, помещенных на русских (www.pozdrav.ru/hb.shtml, www.stost.ru/cat/h-16html), немецких (<http://www.festgestaltung.de/geburtstag/gratulation/kurz/>), польских (zokazji.pl) и литовских (<http://www.cards.lt/sveikinimu-kategorija/3/1/gimtadieniai>) сайтах. Автор полагает, что при унификации поздравительного речевого акта в самих текстах поздравлений должны отражаться в концентрированной форме (в силу их краткости) культурные сценарии, с одной стороны, обуславливающие форму и языковое исполнение поздравления, а с другой – позволяющие, возможно, увидеть более глубокие пласты культуры, вызвавшие к жизни эти сценарии.

Итак, приступим к рассмотрению стихотворных текстов русской интернет-культуры на фоне аналогичных текстов немецкой, польской и литовской интернет-продукции. Приведем совершенно простенькое поздравление:

Тебе, любимая, родная,
Здоровья, счастья мы желаем.
Позволь в строках стихотворенья
В любви большой к тебе признаться!
Мы поздравляем с днем рождения!
Душе твоей всегда семнадцать!

В этом небольшом тексте отражены многие типичные элементы русских поздравлений. Отметим вначале такую

особенность композиции, как обозначение субъекта поздравления в начальных строках (*мы желаем*). Это – характерная черта русских поздравительных текстов: *Я тебя от души поздравляю* (первая строка); *С днем рождения поздравляю // И от всей души желаю...* (первые строки). Субъект обозначен или личным местоимением, или глаголом в форме первого лица, указывающей на наличие конкретного субъекта, идентифицируемого по подписи. Интересно, что в немецких и польских поздравлениях эта особенность композиции так ярко не выражена (см. ниже). Далее обратим внимание на обращение *родная*, также достаточно употребительное в русских поздравлениях: *И пусть будет жизнь твоя, родная...; С днем рождения тебя, родная!; Счастлив будь, родной человек!* и т.п. Нужно сказать, что в русском языке весьма частотными являются словосочетания с этим словом, относящиеся к сфере явлений, составляющих некий ценностный фонд нации: *родная земля, родной язык, родная культура, «родная партия»*. Выражение *родной и любимый* побуждает различать содержания стоящих за этими словами понятий следующим образом: *родной* – ставший своим, принадлежащий к своему кругу. *Любимый* – тот, на кого обращено чувство любви. Для того чтобы именоваться родным, нужна большая степень близости, длительное нахождение рядом, принадлежность или ощущение принадлежности к одному роду, к одной «крови», говоря словами героев Киплинга (ср. по словарю Ефремовой: 1. Находящийся в кровном родстве по прямой линии. 2. (переносн.) Свой, близкий по духу и привычкам). Синонимом к слову *родной*

в словаре синонимов русского языка приводится и слово *кровный*. Возможно, употребление этого слова по отношению к людям, осознаваемым как близкие, есть проявление древнейшей универсальной оппозиции культуры «свой – чужой», которая реализуется и в русских поздравлениях. Говоря о ценностях, отметим такие, как *здоровье и счастье* (счастье – понятие неопределенное, видимо, существующее автономно от здоровья). К числу ценностей, несомненно, относится *любовь* – это слово весьма часто встречается в поздравительных текстах: *И чтобы жизнь одаривала всем: здоровьем, счастьем, дружбой и любовью; Ты – мой лучик солнца и цветочек нежный. И любовь, и вера, и моя надежда!; В сей день сбываются мечты, любви Вам, радости, весны!; Мы тебя любим. С этой мыслью прими наш дар тебе, юнец!* Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что, говоря о любви, адресант говорит о своем чувстве к поздравляемому, то есть говорит о себе. И это самовыражение еще раз акцентирует его фигуру. Таким образом, в поздравительных русских текстах очень существенно присутствие говорящего. Отметим еще один характерный элемент русских пожеланий: имплицитно выражена ценность *молодости*: *душе твоей всегда семнадцать*. Видимо, имеет место противопоставление биологического и психологического возраста.

Приведем небольшой фрагмент следующего поздравления, в котором читатель увидит уже отмеченные выше моменты (выражение субъекта поздравления в первых строках, молодость как ценность):

Я тебя от души поздравляю.
Юность сердца храни для людей.
Нежным взглядом своим освещая,
Атмосферой душевной согрей!

Мы отметим здесь выражение *от души*, являющееся производным от имени концепта *душа*, ключевого для русской культуры, где душа мыслится как сосуд, вмещающий чувства и порывы страстей. Внимание автора обратил на себя еще один момент поздравлений: повелительное наклонение глагола, выражающее побуждение адресата к определенной модели поведения. Побуждение обычно выражает тот, кто знает, что имеет на это право. Давать жизненные советы, соответственно, может только тот, кто считает себя более сведущим, кто ощущает свой более высокий эпистемический статус: *Люби веселые гулянки, люби прогулки под луной; Не грусти и накрывай поляну, и друзей хороших созовай!; И помни, что года идут, так проживи как можно лучше!* Таким образом, говорящий еще раз напоминает не только о себе, но о себе как опытном и знающем, как жить, человеку. Позволю себе назвать такой характер поздравления, где неоднократно подчеркивается фигура говорящего, **Я-поздравлением**, ориентированным не только на адресата, но и на самого адресанта.

С днем рожденья тебя поздравляю,
Ты прочти поздравленья мои,
От души всей тебе я желаю
В жизни счастья, добра и любви!
Жизнь несет тебе радость и счастье,
Пусть они не пройдут без следа,
Пусть твою красоту, твою нежность
Не изменят года никогда!

Как видим, и это поздравление содержит все те же элементы: субъект поздравления, означенный в начале

текста, ценности счастья, любви, вечной молодости. Но в этом тексте мы наблюдаем еще одну очень характерную черту русских поздравлений – выражение пожелания посредством повелительного наклонения с частицей *пусть*. Здесь побуждение направлено не на адресата, а на некую безличную силу, которая может исполнить пожелание: *Пусть не будет у тебя ненастья, только радость, только солнца свет; Пусть каждый день твой будет светлым; В морозы и в ненастье пусть расцветает счастье!* При этом пожелания отличаются таким безудержным оптимизмом, словно их авторы не знают о том, что жизнь несет не только радость: *Пусть счастье Вас не покидает, здоровье пусть не убывает; Пусть дни вашей жизни текут безмятежно, пусть счастье сверкает, как солнечный луч; Пусть звезды светятся в глазах твоих, пусть счастье, как шампанское, искрится.* Этот мотив – мотив ничем не омраченного и вечного счастья – присутствует во многих пожеланиях. Трудно сказать, как назвать такую безудержную установку адресантов на вечное счастье – может быть, «опустошенным клишированным дискурсом»? Ведь сам субъект поздравления вряд ли мог адресовать такое себе, поскольку человек прекрасно осознает нереальность подобных пожеланий. Впрочем, есть один жанр, в котором *Я* может желать себе такое – это фольклорный жанр заклинаний, пользующийся также частицей *пусть*. *Пусть мои силы будут благословенны (заклинание, умножающее силы в три раза); Пусть перервется вечный сон, Пусть недуг уходит вон (заклинание, чтобы пробудить кого-либо); Пусть*

*правда будет сказана, А наша жизнь повернется вспять, То, что может быть пересказано, Пусть к нам вернется опять (заклинание для оживления воспоминаний) (<http://magichistory.ucoz.ru/fogum/65-265-1>). Осмелюсь высказать мысль, что пожелания в русских стихотворных текстах напоминают магические заклинания. Если бы субъект поздравления адресовал эти пожелания себе, то они бы и носили характер заклинания: *Пусть сила растет моя день ото дня, пусть сила моя не покинет меня (заклинание на счастье).* Сказанное позволяет, с одной стороны, подтвердить идею близости интернет-поздравлений к фольклорным жанрам, а с другой – увидеть в них отражение той неактивности носителей русской культуры, которая побуждает их видеть источник исполнения пожеланий не в человеке-деятеле, а в некоей могущественной и безличной силе (вспомним тезис А. Вежбицкой об иррациональности русской культуры).*

Итак, на данном этапе анализа мы выделили такие черты русских интернет-поздравлений ко дню рождения, как ***ориентированность на говорящего (Я-поздравления), акцентуация счастья, здоровья, любви, молодости как основных объектов пожелания, заклинательный характер поздравлений.***

Перейдем к рассмотрению немецких поздравительных интернет-текстов, на фоне которых, вполне возможно, откроются и иные черты русской культуры, незаметные ее носителю при отсутствии сравнения с другими культурно обусловленными сценариями мышления.

Heute ist ein besonderer Tag für Sie. Ein Tag an dem man gerne das vergangene Jahr Revue

passieren lässt, sich fragt, ob alles so gekommen ist, wie man dachte oder ob man Entscheidungen wieder genau so treffen würde.

Vor allem ist es aber ein Tag der Freude.

Wir gratulieren Ihnen besonders herzlich zu Ihrem Geburtstag!

Und wir wünschen Ihnen neben viel Glück und vor allem Gesundheit, dass Sie das richtige Händchen haben und heute in einem Jahr sagen können, alles richtig gemacht zu haben.

Aber jetzt gehört dieser Tag erst einmal ganz allein Ihnen und Ihrer Familie.¹

В этом поздравительном тексте, хоть и не стихотворном, отразились многие черты немецких поздравлений. Укажем на них. Прежде всего отметим, что русские пожелания *от души* замещаются немецкими «сердечными» *herzlich*. Меняются и акценты в поздравлениях: бросается в глаза то, что внимание фокусируется прежде всего на самом дне рождения: *Heute ist ein besonderer Tag für Sie; Heut feiern wir Deinen Runden, Geburtstag ist ganz ohne Frage der schönste aller Ehrentage*. При этом пожелания адресованы не будущему, как это имеет место в русских текстах, а настоящему – тому, как должен быть проведен этот день: это день радости (*Vor allem ist es aber ein Tag der Freude*), когда желательно наслаждаться, смеяться и танцевать до ночи (*Genießen die schöne Stunden Wolln 'lachen und auch tanzen; Wolln 'tanzen und singen bis in die Nacht*). Немецкий адресант склонен об-

ращаться к прошлому и желать адресату того, чтобы при анализе совершенных действий юбиляр мог убедиться в их правильности: *Ein Tag an dem man gerne das vergangene Jahr Revue passieren lässt, sich fragt, ob alles so gekommen ist, wie man dachte oder ob man Entscheidungen wieder genau so treffen würde*. Субъект текста часто оглядывается назад: *Ein neues Jahr steht vor der Tür, das alte lässt Du hinter Dir Schlechte Gedanken vertreiben wir, nur Gute Dinge bleiben hier* – Новый год стоит у дверей, старый ты оставляешь позади, и вместе с этим мы прогоним плохие мысли (новым годом именуется следующий год жизни юбиляра). Такое построение текста заставляет думать об отношении ко времени в немецкой и русской культурах. Немецкая культура относится обычно к монохронной (Г. Хофстеде): время линейно, и определенный отрезок времени посвящен одному виду деятельности, он не прерывается другими действиями (например, не стоит пить кофе, пока ты не закончил работу). Возможно, монохронность определяет то, что носители культуры сосредоточены в большей степени на настоящем моменте деятельности, а не на будущем, который планировать труднее. Когда говорят об отношении ко времени с точки зрения того, куда устремлены взоры носителей культуры – в будущее или прошлое, обычно не находят значительных расхождений между немецкой и русской культурами. И все-таки думается, разница есть. Если судить по анализируемым текстам, то носители русской культуры в большей степени устремлены в будущее, носители немецкой – в настоящее и даже в прошлое: в текстах

¹ Сегодня у Вас особенный день. День, когда прошедший год охотно проходит перед Вашим взором, чтобы Вы могли спросить себя, все ли было так, как Вы задумывали, приняли бы Вы снова те же решения. Но прежде всего сегодня день радости. Мы поздравляем Вас особенно сердечно с Вашим днем рождения. И желаем, наряду со счастьем и прежде всего здоровьем, чтобы через год в этот день вы смогли сказать себе, что сделали все правильно. Но сегодня этот день принадлежит только Вам и Вашей семье (перевод авт.).

нередки упоминания о том, что прошло (*Auf viele Jahre blickst du nun zurück, auf manche Sorgen, manches Glück; Denkst du ___ Jahr zurück*), и достаточно часто встречается слово *zurück* – ‘назад’. Впервые эта мысль показалась автору статьи возможной, когда он сравнил выражение побуждения к несовершению действия в русском и немецком языках. *He sturвай с доски* и *Laß alles an der Tafel stehen* – эти фразы различаются тем, что в русском языке запрещается возможное будущее действие, а в немецком предлагается оставить положение таким, каким оно является на данный момент: *Ostaveйте все на доске. He открывайте книг* – по-немецки: *Ostaveйте книги закрытыми* (*Laßt die Bücher geschlossen*); *He бери книгу со стола* – *Ostave книгу лежать на столе*. Тезис о различной направленности культур в отношении времени здесь высказывается только в качестве гипотезы, однако мне представляется, что и грамматические категории (русский совершенный вид, не имеющий настоящего времени), и лексическое наполнение текстов находятся в отношении корреляции друг к другу. Более того, дерзну предположить, что это связано и с интерпретациями мира в русской и немецкой мысли. Н. Бердяев писал о том, что эсхатологическая идея, ожидание Царства Божия, конца мира неправды гораздо сильнее в русском христианстве, чем в западном (Бердяев 2008, с. 195). Сказанное позволяет предположить, что носители русской культуры смотрят именно в будущее, ожидая от его прихода того, что сегодня для счастья у них отсутствует. Что же касается немецкой культуры, то здесь хотелось бы в качест-

ве подтверждения высказанного предположения о сосредоточенности немецкой культуры на настоящем привести мысль Ф. Ницше: «Истинный мир не может быть изменчивым и становящимся, а только *сущим*» (Ницше 1994, с. 69).

Ценности, реализуемые в немецких пожеланиях, в целом не отличаются от русских, это любовь, здоровье, счастье, молодость. Внимания заслуживают пожелания, связанные с правильным счастьем: *Ich wünsche dir das rechte Glück* (*Я желаю тебе правильного счастья*). Что входит в правильное счастье? Учиться у времени (буквально: складывать у затылка мгновения – *pack beim Genick den Augenblick*), иметь мужество и размах. Как представляется, в немецких пожеланиях акцентируется действие, деятельность – *gemeinsam/ Tun und lassen/ Sachen machen/ Was Dir gefällt/ Auf dieser Welt* (Вместе действовать и иметь возможность делать то, что нравится тебе в этом мире); *Und nun mit frischem, frohem Mute ins neue Lebensjahr – hinein!* (С новым, свежим мужеством – в новый год жизни!). Побуждения в немецких текстах существуют, но это не столько побуждения к определенным действиям (как это было с русскими пожеланиями в форме повелительного наклонения: *делай то-то и то-то*), сколько призыв иметь позитивное состояние духа и стремиться вперед. Можно сказать, что они в меньшей степени напоминают поучения, и говорящий не выступает более опытным и знающим, нежели адресат.

Die Jahre sind vorbei,
nicht alle waren sorgenfrei.
Doch mit Lebensmut und Kraft
hast du alles gut geschafft!

Здесь нет того, что выше мы назвали безудержным заклинанием счастья, пожелания вполне реальны, они связаны с деятельностью самого адресата: в приведенном выше поздравительном тексте говорится о том, что прошедшие годы не были беззаботными, но все, что создано с жизненным мужеством и силой, создано хорошо. В русских текстах не встретилось упоминания о мужестве: возможно, концепт *Mut* специфичен для немецкой культуры (вспомним выражение Гегеля: «Мужество правды есть обязанность философских штудий» – *Der Mut der Wahrheit ist die erste Bedingung des philosophischen Studiums*), возможно, это слово не является точным эквивалентом русского *мужества*. (В немецкой Википедии есть замечание о том, что в современной словарной сокровищнице немецкого языка это слово занимает позицию слова *оптимизм*.) На данном этапе мы ограничимся констатацией встречаемости этого слова в поздравительных текстах, слова, которое означает внутреннее состояние человека-деятеля, а носителям другой культуры напоминает о воинственном германском духе. Сказанное совершенно органично сочетается с многочисленными пассажами в научной литературе, посвященными активности носителей англосаксонской культуры и пассивности носителей русской. Интернет-поздравления как явление современного фольклора показывают, как проявляется эта черта культуры в анализируемом жанре.

Из различий в композиции поздравительных открыток можно отметить, что само слово *gratulieren* – ‘поздравляем’ в стихотворных текстах находится,

как правило, в заключительной части, равно как и обозначение субъекта поздравления не всегда имеет место в начале текста. Субъект поздравления обозначает себя в немецких текстах, однако, как показывает беглый обзор немецких сайтов, делает это гораздо реже, чем русский адресант. Так, на сайте “Glückwünsche Geburtstag – kurz” (http://www.festgestaltung.de/geburtstag/gratulation/kurz/#ich_gratuliere_und_ich_freue_mich_sehr) читателю предлагается около 50 поздравительных текстов – из них только в пятнадцати слово *Ich* встречается в первых строках стихотворений. На российском сайте Grant-Vip.ru (http://grant-vip.ru/text/den_rojdenya/) из 90 представленных текстов поздравлений (именно поздравлений, а не пожеланий) 51 послание содержит в первых двух строках слова *я/мы*. Таким образом, мы можем сказать, что принципиальное отличие немецких поздравлений от русских заключается **в сосредоточенности на самом дне рождения, с празднованием которого и связаны пожелания**. Если пожелания касаются будущего (прежде всего это следующий год жизни), **то они адресованы не безличной силе, а человеку-деятелю, которому желают мужества и силы, для того чтобы исполнить задуманное и через год с удовлетворением осознать, что все было сделано правильно**. Вряд ли немецкие интернет-поздравления можно отнести к Я-поздравлениям – все-таки говорящий в меньшей степени обозначает себя, чем это делает русский адресант.

Возможно, анализ немецких поздравлений позволяет подтвердить мысль о германском практицизме, сосредото-

ченности на переживаемом моменте как черте национального характера, противопоставляемой в историографии славянской веселости и легкомыслию (Лескинен 2011, с. 217–218). Перейдем к краткому обзору польских интернет-поздравлений с днем рождения и именинами. Польский национальный характер противопоставляется в историографии как германскому (отмечено выше), так и русскому национальному характеру. Не будем вдаваться в очень обширную и проблемную историографическую литературу, но отметим, что в ней сложился образ «веселого поляка», для которого характерны как страстность, пылкость, веселость, любовь к удовольствиям, восторженность, воодушевленность, так и увлеченность, порывы, непостоянство (Лескинен 2011, с. 222). Посмотрим, можно ли говорить об отражении этих черт в интернет-поздравлениях.

Droga dorosłego życia.
 Niech będzie bez wielkiego picia.
 By marzenia się spełniały.
 I z kacem nie odpływały.
 By rodzice oparcie w Tobie mieli.
 Bo wiesz jak bardzo Ciebie pragnęli.
 Ty ucz się byś doszedł do celu.
 Nie zboczył jak robi zbyt wielu.²

(Пожелания по случаю восемнадцатилетия)

Интересно, что в первых строках существует предупреждение относительно опасности алкоголя – жизнь

должна пройти без «большого питья», и похмелье не должно унести мечты. Трудно представить себе подобное пожелание в русских поздравлениях, хотя намеки на опасность питья существуют (например, пожелания *не упасть лицом в салат*). Это не единичный случай говорения в поздравлениях о «питии» с использованием слова *kieliszek* (рюмка): *Rośnij duża, dzielna, zdrowa. Nie zaglądaj do kieliszka* (Не заглядывай в рюмку) – пожелание женщине(!); *Urodziny to jak wypicie kolejnego kieliszka... Lepiej się czujesz, gdy nie liczysz ile ich już masz na swoim koncie* (День рождения как выпивание очередной рюмки... Лучше себя чувствуешь, когда их не считаешь). Возможно, напоминание об этом моменте празднования коррелирует с представлением о бесшабашности и легкомыслии польского характера, отмечаемого историографами. С другой стороны, такие пожелания могут позволить себе только близкие люди, осведомленные об опасностях, подстерегающих адресата. В поздравлениях создается атмосфера некоей фамильярности, семейственной близости, в общем-то, не требующей изысканных этикетных форм – так ощущает тональность этих поздравлений носитель русской культуры (автор говорит о своих ощущениях и ощущениях своих коллег, познакомившихся на этапе написания статьи с анализируемыми текстами). Можно сказать, что и любовь к удовольствиям находит свой коррелят в частых пожеланиях, включающих слово *сладкий*: *słodziutka jak szarlotka, Niech życie słodko płynie. Dużo zdrówka i miłości, moc uśmiechu i słodkości*. Думается, что в русских пожеланиях вряд ли

² Дорога взрослой жизни.
 Пусть будет без большого питья.
 Чтобы мечты осуществлялись.
 И с похмельем не отплывали.
 Чтобы родители опору в Тебе имели.
 Потому что Ты знаешь, как страстно
 Тебя хотели.
 Ты учись, чтобы дойти до цели.
 Не сбиться с пути, как делают слишком
 многие.

возможно такое, как *будь сладкой, как шарлотка*. Отметим, что и в польских пожеланиях мы не нашли побуждений-поучений, служащих усилению фигуры говорящего, что сближает польские тексты с немецкими

И еще одно слово встречается в польских поздравлениях, отличаясь по частоте употребления от русских, это слово улыбка: *moc uśmiechu, dużo uśmiechu, uśmiech stale miej na twarzy* (пусть всегда на лице будет улыбка), *śmiej się dużo* (много смейся), *dużo uśmiechów, dużo radości*. Конечно, и в русских текстах желают улыбок, но «польские улыбки» отличаются количеством и силой. Пожелание улыбок можно назвать клишированным элементом польских стихотворных интернет-поздравлений. Столь же клишированными элементами пожеланий являются высказывания со словом *мечта (marzenie)*. Мечты должны исполняться, нужно найти таких друзей, о которых мечтаешь, и наиболее частым местом является пожелание, чтобы исполнились самые *потаенные* мечты: *By marzenia się spełniały; Życzę Ci znalezienia takiej pracy, takich przyjaciół i takich możliwości, o jakich marzysz; Pomyślności i zdrowia, by realizować marzenia; Spełnienia marzeń; spełnienia wszystkich najskrytszych marzeń*. Значит ли это, что поляки – народ, склонный к мечтательности? Русские тоже желают исполнения мечты, но в качестве объекта мечты вряд ли выступают друзья или возможности. Думается, что существуют некоторые различия между русской *мечтой* и польским словом *marzenie*. Польская мечта, как представляется, (если опираться на словарные толкования),

энергичнее русской мечты. Так, одним из ее синонимичных определений является толкование через слово *ambicja*, которое, в свою очередь, толкуется как: *chęć bycia lepszym* (желание быть лучшим), *chęć osiągnięcia czegoś*. (желание добиться чего-то). Польские тексты включают обычно, наряду с пожеланием исполнения мечтаний и такое пожелание, как *Pomyślności!* Польско-русские словари переводят это слово как ‘удача, благополучие’. И тем не менее, полного соответствия между пожеланием *pomyślności* и *удачи*, как представляется, нет. “Inny słownik języka polskiego” (2000) толкует значение польского слова как ‘состояние действительности, когда ожидания и реальность совпадают’. Русская *удача* связана, напротив, с неожиданным благоприятным стечением обстоятельств. Отсюда польский адресат представляется более склонным к планированию, нежели русский, в силу чего его мечта может больше напоминать план.

Тот, кто мечтает, смотрит в будущее. В этом отношении можно сказать, что польская культура, как и русская, устремлена в будущее. В русской культуре отношение к мечте и свойству мечтательности двоякое: с одной стороны, мечта рассматривается как залог движения вперед, как фактор успеха (<http://www.ysnex.ru/dreampurpose.php>), с другой – русский язык знает выражения *пустые мечты, юношеские мечты*, «что же делать, если обманула та мечта, как всякая мечта» (А. Блок). На русских веб-страницах можно найти множество высказываний в защиту мечты, – но если нужно защищать право на мечтательность, значит, в обществе сущест-

вует и противоположный взгляд на это свойство человеческого характера. Как представляется автору этой статьи, для носителя русской культуры мечтать дозволительно в юности (юношеские мечты), мечтающий человек средних лет превращается в пассивного неудачника, не выстраивающего рациональных путей для достижения цели.

Итак, если говорить о ценностях, которые являются объектом пожелания в польских текстах, то они несколько отличаются от русских и немецких. Здоровье, счастье, любовь – ценности совпадающие. *Улыбки, смех, мечта* – слова, реже встречающиеся как в русских поздравлениях, так и немецких. Интересно, что мы не отметили случаев пожелания оставаться таким (такой), как есть. Значит ли это, что молодость не входит в число главных ценностей польских субъектов поздравлений? В немецких текстах такое пожелание есть, но оно прочитывается неоднозначно: и как пожелание психологической молодости, и как утверждение того, что адресат не должен меняться как человек, так как он все делает правильно.

Как и в русских поздравлениях, в польских используется форма повелительного наклонения с частицей *niech* – ‘пусть’ для выражения пожеланий. Они адресованы не имеющей обозначения безличной силе: *Niech życie słodko płynie, a wszystko, co złe niech szybko minie; Niechaj będą szczęśliwe i pełne uroku; Zdrowie wiecznie niech Ci służy, niech się spełni o czym marzys; Niechaj los Tobie sprzyja, niosąc powodzenie.* В русской культуре мы определяли такое построение пожеланий как имеющее заклинательный характер. Возможно, в польских

поздравлениях частота встречаемости частицы *niech* несколько меньше, чем в русских текстах ее аналога. Речь идет о том, что в польских пожеланиях она встречается в тексте один раз, в то время как русский текст имеет практически анафорическое построение фраз-пожеланий, где повторяется частица *niech*:

Пусть не будет у тебя ненастья
Только радость, только солнца свет!
Пусть любовь придет к тебе большая,
Не на год – на вечность, навсегда,
И пусть будет жизнь твоя, родная,
Светлой, словно родниковая вода!

Поэтому мы не будем здесь говорить о заклинательном характере польских пожеланий, но отметим ту общую для славян пассивность, о которой говорил еще Адам Мицкевич, усмотревший в ней «не проявление подчинения и слабости, а доказательство внутренней силы, скрытой до времени воли» (Лескинен 2011, с. 220).

То, что отличает русские пожелания от польских, связано с акцентуацией внимания в польских открытках на ценности мгновения, моментов жизни, каждый из которых должен быть счастливым: *Niech twe życie słodko płynie, w tej chwili i o każdej godzinie; A zdrowie i szczęście niech Cię nie mija; By w Twym dorosłym życiu ważna była każda chwila.* С одной стороны, здесь можно увидеть тягу к наслаждению каждой минутой, что соотносится с указанными выше свойствами польского характера (любовь к удовольствию), с другой – возможно, иное, более дробное ощущение времени у носителей польской культуры. Но это, безусловно, тема отдельного исследования.

Нужно сказать, что и композиция польских поздравлений отличается

от русских: в польских поздравлениях не принято употреблять глагол *pogratulować* – ‘поздравлять’ ни в начальной, ни в заключительной части поздравлений – *gratulacij*. Таким образом, субъект поздравления эксплицируется слабее, чем в русских пожеланиях – только лицом глагола *życzę Ci* – ‘желаю тебе’, которое выступает в неразрывной связке с местоимением второго лица – *Ja składam Ci życzenia; Dzień urodzin się już zbliża;/ Więc życzenia Tobie śle; W dniu Twojego święta/ Jest ktoś kto o Tobie pamięta/ Pamięta o Tobie/ I śle Ci życzenia*. Отметим здесь вообще отсутствие конкретного субъекта поздравления: *есть кто-то, кто о тебе помнит*. В этом отношении польские поздравления ближе к немецким, чем к русским, хотя в немецких субъект обозначается личными местоимениями, которые чаще располагаются, как было сказано, не в начальной части поздравления. Позволю высказать мысль о том, что в подобной композиции отражается значимость *Другого, Ты*, в то время как в русских *Я* стремится занять то же место, что и *Ты*. Нужно сказать, что этот вывод стал неожиданностью для автора статьи, не предполагающего, что русский текст предоставляет субъекту такие возможности для выражения *эго*. Возможно, такое дискурсивное поведение носителя русской культуры можно объяснить тем, что игнорирование личности государством на протяжении веков побуждает субъекта текста заявлять о себе иным (дискурсивным) образом.

Приступим к краткому описанию литовских поздравительных текстов. Сразу хочу оговориться: они показались мне самыми «непохожими», не имеющими

почти ничего общего, кроме пожелания счастья, с разобранными выше текстами трех культур. Эта «непохожесть» связана прежде всего с отсутствием праздничной ликующей интонации – перед нами скорее некие философские напутствия: человек должен помнить о преходящности счастья, бытия: *Laimė ateina pas žmogų tik akimirksniui,... paskui virsta paprastu akmeniui; Ko palinkėti – viskas nyksta: Patsai gyvenimas, linkėjimai; Laimė ateina pas žmogų tik akimirksniui, kaip meteoro šviesa*.

Gal būt keista, kad gyveni vieną kartą,
kad turi vieną vaikystę, vieną pirmąją meilę...
Ir iš tikrųjų gyvenimas brangus todėl,
kad jame niekas nepasikartoja, kad niekad
nesugrįžta tai, kas buvo.

Эти напоминания о бренности бытия окрашивают поздравительные тексты оттенком лирической меланхолии, отмечаемой в ряде работ в качестве национальной черты (<http://nordblut.livejournal.com/24712.html>)

Субъект литовского поздравительного текста практически нигде не эксплицируется: ни разу не встретилось местоимение *aš*, и только в редких случаях используется глагол первого лица *linkim* – ‘желаем’. Иногда субъект поздравления означивается в заключительной части, говоря о себе в третьем лице: *gimimo dienos proga Tau linki*. Адресат поздравления в литовских поздравительных текстах обозначен, однако чаще не прямо местоимением *tu* – ‘ты’, а косвенным падежом: *tau, tave, kokia brangi tau ši dienele*. Нужно сказать, что при чтении литовских поздравительных текстов носителем другой культуры возникает ощущение, что конкретного адресата поздравления также нет: поже-

лания, связанные с этическими моделями поведения или вписывание поздравляемого в мир природы (о чем будет сказано ниже) могут быть адресованы каждому, независимо от возраста и пола. Так, и в пожеланиях детям выражается та же философская идея быстротечности бытия:

Juokis, kol tavo vaikystė
Dar žaidžia už lango rytai
Žinok, tos dienos negrįžta,
Lyg upėm nuplaukę ledai.

Таким образом, в литовских поздравительных текстах нет ни русского эгоцентризма *Я*-поздравлений, ни польской акцентуации адресата поздравления. Личность как будто бы нивелируется, растворяется в генерализованных истинах, адресованных любому потенциальному субъекту. Вместе с тем можно говорить о некоем философском стоицизме, проповедуемом в поздравительных текстах, равно как и о скептицизме относительно существования счастья и других радостей: *Jei likimas nepasiųs Tau laimės žvaigždės, / Būk pati žvaigžde;*

Gyvenimas – audringas šokis,
Dažnai širdis skausmų pilna,
Bet Tu pro ašaras šypsokis,
Sakyk, gyvenimas – daina.

В литовских текстах существует призыв к улыбкам (не пожелание улыбок, как это было в польских текстах, а именно призыв), но и он сопровождается все тем же философским напутствием: помнить, что люди «маленькие», и они пришли в мир только на одну жизнь

Tu šypsokis linksmai,
nes jaunystė šviesi.
Ir neleiski jos vėjams kedent.
Ir atmink, kad visi
esam žmonės maži,
vieną kartą atėję gyventi.

Этот постоянный мотив бренности жизни лишает поздравительные тексты и русской безмерности в пожелании счастья, и польского гедонизма, и немецкой деловитости. Чего же желают в литовских текстах? Набор объектов пожелания уже, чем в анализируемых выше, – здесь мало пожеланий радости, не встретилось и пожеланий осуществить мечты, стать богатым, быть любимым. Обычным элементом поздравительных текстов является пожелание счастья:

Linkiu daug laimės –
šviesios, kaip saulė,
didelės, kaip žemė,
nepakartojamos kaip žmogus.

И здесь хотелось бы обратить внимание на еще один характерный момент литовских поздравлений, отличающий их от всех рассмотренных выше, – постоянное обращение к миру природы:

Būk pavasario vėjas
Būk tamsaus miško auksinė gėlė
Būk tu gyvenimo gėris
Būk mėlynos jūros baltąja puta.

Трудно представить русский поздравительный текст, в котором бы адресат призывался к тому, чтобы быть весенним ветром, золотым цветком или морской пеной. Позволю высказать мысль о том, что в таком слиянии с миром природы сказались языческие мотивы литовской культуры и тот романтизм, который питал А. Мицкевича, видевшего в Литве, как и другие поэты-романтики, своеобразный хронотоп, символическое пространство лесов и озер, пропитанное духовными потоками и непосредственно граничащее с миром иным (Венцлова 2007). В литовских поздравительных текстах есть ветра, сосны, капли росы, но особенно много цветов: *O šiandien*

gėlės pražydės / Ant melsvo kovo sniego; Tavo šventė –/ Gražiausi žiedai. Интересно, что в литовских текстах достаточно часто встречается пожелания того, чтобы путь жизни был усыпан цветами: *Tekloja takus balti rožių žiedai; Linkiu Jums laimės, didelės sveikatos, / Ir kelio, klotu pavasario žiedais.*

Вообще мотив жизненного пути коррелирует с идеей движения по жизни как по дороге, некогда заканчивающейся (см. выше), люди приходят в мир и уходят из него: *Laimingas tas, kas moka atvira širdim/ Gyvenimą praeiti ir mylėti žmones* (ср. *Esam žmonės maži, / Vieną kartą atėję gyventi*). И эта идея движения по жизненному пути сопряжена не с русской жаждой счастья, не с польским желанием наслаждаться жизнью и не с немецким намерением действовать правильно, а с психологической установкой жить, даря тепло людям: *Ir saugok širdį, kad galėtum pakelti, paguosti, sušildyti...*

Būk pati kitų drauge.
Jei meilės žiburys užges,
Suliepsnoki žiburiu nauju pati.
Jei nebus aplink gerų žmonių,
Būk pati geru žmogumi.

Таким образом, отличительной чертой литовских текстов является отсутствие (с точки зрения носителя другой культуры) интонаций ликования, меланхоличность, обращение к миру природы и достаточно сильная морализирующая струя.

Возможно, такое построение литовских поздравительных текстов связано с тем типом ментальности, который сформировался в особых географических и исторических условиях. Из эзотериче-

ской литературы, наследующей идеи общепланетарной цивилизации Даниила Андреева: «Согласно традиционным представлениям о проекции небесной сферы на земную поверхность, на территорию современной Литвы проецируется средняя часть или «пояс» созвездия Ориона. <...> В частности, проживание на данной территории ставит перед людьми задачу построения «правильного» или «идеального» мира в той степени, насколько это вообще возможно на земле. В результате данная территория очень тонко реагирует на любые действия людей, награждая за праведную жизнь благодатью, удачей и богатством, и карая неурожаями, нашествиями врагов и бедностью. Поэтому проживание на данной территории требует от людей постоянно поддерживать равновесие с окружающей средой, бережно к ней относиться и обеспечивать ее чистоту всеми возможными средствами» (религиозно-философский портал «Аримойя»). Возможно, стоит прислушаться к голосу из дискурса, который не признается научным.

Подводя итог проведенному анализу, можно сказать, что при всей тенденции к глобализации и стандартизации чувств и форм выражения национальный дух, культурные сценарии мышления сохраняют себя в этой универсализирующейся среде. Оказывается, написать поздравление носителю другой культуры, на другом языке – дело весьма непростое, так как именно в таких минималистских жанрах становится очевидным, насколько по-разному мы видим и чувствуем в, казалось бы, общих ситуациях бытия.

Литература

АГАПКИНА, Т.; ВИНОГРАДОВА, Л., 1994. Благопожелание: ритуал и текст. *In: Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал*. Москва: Наука, 168–208.

БАХТИН, М., 1996. Проблема речевых жанров. *In: М. БАХТИН. Собр. соч.* Москва: Русские словари, Т. 5: Работы 1940-1960 гг., 159–206.

БЕРДЯЕВ, Н., 2008. *Русская идея*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

ВЛАСОВА, Г., 2009. Интернет-поздравления как жанр постфольклора. *In: Интернет и фольклор. Сборник научных статей*. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 302–308.

ВЕНЦЛОВА, Т., 2007. Еще раз о родном отечестве: Литва Мицкевича и Мицкевич в Литве. *Неприкосновенный запас*, № 6 (56). Режим

доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/ve11.html> [См. 12.06.2012].

КАРПОВА, Н., 2002. Речевой жанр поздравление: на границе культуры и масс-культуры. *Русская словесность*, № 3, 62–67.

ЛЕСКИНЕН, М., 2011. Стереотип «веселого поляка» в описаниях польского национального характера эпохи просвещения и романтизма. *Вестник ННГУ*, № 2, 216–223.

НИЦШЕ, Ф., 1994. *Воля к власти*. Москва: REFL-book.

СУХОТЕРИНА, Т., 2007. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи. Диссертация ... кандидата филологических наук. Барнаул. Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/suhoterina.html> [См. 12.06.2012].

ШАТАЛОВА, С., 2009. *Эпидейктические жанры речи*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Ярославль.

Eleonora Lassan

Vilnius University, Lithuania

Research interests: political linguistics, cognitive linguistics, rhetoric, pragmatics, semantics

THE MENTAL SCENARIOS AND INTERNET GENRE ETIQUETTE OF DIFFERENT CULTURES (BASED ON ONLINE GREETINGS IN FOUR LANGUAGES)

Summary

This article analyses online greetings in the Russian, Polish, Lithuanian and German languages. The author treats greetings as a speech act which helps the addresser to remind the addressee of his/her good attitude towards him/her on the basis of a particular occasion—the addressee's birthday. The author analyses this speech act in relation to the specific communicative and mental scenarios of the culture to which the speaker belongs. The entirety of standard speech acts and the combination of intentions of the speakers form a genre. The genre of modern online greetings seems contiguous to folklore genres, because most of the texts do not have authors. Moreover, these texts move from one Internet site to another, resulting in a wide circle of “implementers”—users.

The author distinguishes some typical characteristics of online greetings among the four cultures. An emphasis on the figure of the speaker and an incantatory character are typical of Russian greeting texts. Happiness, health and eternal youth are the key objects of these Russian texts. Russian greetings are related to the future. German greetings are mainly related to the birthday celebration itself. Greetings are often related to a review of life: on this occasion the addressee is encouraged to reflect on whether s/he has lived the past year appropriately. The word *courage* (*Mut*) is constantly repeated in German greetings, whereas this word is absent from the Russian greetings. The figure of the speaker is marginally expressed in Polish greetings. The sweetness of life is present in Polish greetings, whereas it is observed neither in German nor in Russian texts. *May all your dreams come true* is a cliché element of Polish greeting texts. Lithuanian greetings distinguish themselves by their melancholic tone.

The author relates the detected specific features of online greetings to the ideas of philosophers and historians on the unique means of expressing one's national character.

KEY WORDS: online greetings, folklore, genre, composition, cultural scenarios, key conceptions.